

Михаил Логинов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПО КОНТРАКТУ (отрывок)

Лёшка спал крепко, проснулся рано и сразу же начал думать о вчерашнем разговоре.

Вообще-то Мик прав. Разве мама подумала о нем, о Катюше? Сбежала в Мартышку, засунула его в школу, её в местный детский садик. Вчера

говорить смысла не имело. Мама в стрессе, еще ударится в крик или слезы вместо ответа. Лучше дожидаться, когда успокоится, вот тогда и поговорить. Сказать ей: «Мама, как ты могла решить за нас, где мне учиться и в какой садик ходить Катюше?»

И тут Лёшка вспомнил, что он тоже решил и выбрал. Когда мама спросила, с кем ты хочешь быть, он ответил: «С тобой».

Да, вопрос нехороший. Нельзя брать людей за горло — «или—или». Лёшка это понимал. Но не мог отделаться от вопроса к самому себе: почему он ответил именно так? Почему ответил сразу, не задумавшись?

Можно жить с мамой и папой. Можно жить с одной мамой. А вот с папой жить не хочется.

Почему? Папа на него сердится. Не просто сердится, а смеется над ним. Даже не наказывает. Но тех, над кем смеются, наказывать не надо. Они уже наказанные.

Лёшка вспомнил историю с пирожком. Они долго гуляли по Васильевскому острову — дошли пешком от Стрелки до дома. Лёшка проголодался, попросил подкрепиться. Папа купил гамбургер, но с условием — до обеда никаких подкреплений. Тогда, пару лет назад, родители решили, что Лёшка начал полнеть, и то и дело применяли мелкую, прикладную диету.

Лёшка пообещал. А дома мама пекла пирожки с капустой. Как раз к их приходу вытащила из духовки первую порцию, поставила остужаться. Лёшка заглянул на кухню, мама дала пирожок — замори червячка до обеда. Пирожок был пышный, румяный, с тонким тестом и чуть-чуть просвечивавшей начинкой. А еще — горячий и ароматный.

Не заметил, как укусил и вышел в коридор с пирожком в руке. Встретил папу.

Тот внимательно посмотрел на сына, улыбнулся и спросил:

— Попробуй подсчитать, сколько весит пирожок?

— Ну, граммов сто, может, сто двадцать, — ответил Лёшка.

— Отлично! — Отец уже не улыбался, а смеялся, печальным, презрительным смехом. — Теперь я знаю, сколько весит твое честное слово. Сто двадцать граммов.

Лёшка хотел спросить: а что ему надо было сделать? Отказаться? Да, наверное, отказаться. Сказать маме про обещание. Но ведь мама хотела его порадовать...

Любые оправдания застряли в горле. Спасибо, что не откусанная часть пирожка.

Лёшка опустил голову, шагнул в комнату...

— Куда?! — плавно, но твердо сказал папа с прежней злой улыбкой. Совсем не тот папа,

который полчаса назад рассказывал ему на набережной историю ледокола «Красин». — Я что, закончил разговор?

Лёшка повернул к отцу покрасневшее лицо.

— Хорошо, что сейчас на каждом углу гамбургеры, а дома пирожки, — другим тоном добавил отец. — Хорошо, что сейчас не блокада. Ты бы взял и съел Катюшин хлеб. Схозячил бы её паек и не заметил. Кстати, он, как и пирожок, весил сто двадцать пять граммов — вес твоего слова.

— Па-а-а-па! — Лёша не понял, от чего он задохнулся, от слёз или непрожеванного пирожка.

Папа совсем грустно, будто потерял остатки веры в род человеческий, вздохнул:

— Эх ты!.. — и захлопнул дверь в свою комнату.

Лёшка так и остолбенел в коридоре. В руке — почти остывший пирожок, щеку щекочет теплая слезинка...